

Наталья Мериранта

ТАЙНА КРЕПОСТИ БОМАРСУНД

ТВОЙ ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ

12+

Наталья Мериранта
Тайна Крепости Бомарсунд

«Автор»

2022

Мериранта Н.

Тайна Крепости Бомарсунд / Н. Мериранта — «Автор», 2022

В 1854 году молодой лейтенант Анатолий Скворцов отправлен в назначение на Аландские острова в составе Княжества Финляндского. Там он встречает своего старого приятеля, вдвоем с которым им предстоит поймать предателя, укравшего карты застройки крепости. Летом 2021 года группа посещает Аландские острова. Во время экскурсии по крепости Бомарсунд выясняется, что предок Марии – одной из экскурсанток - квартировался в крепости и пропал в 1854 году. Все указывает на то, что он, конечно, погиб, но так ли это? Семейное предание гласит, что Скворцову удалось спастись. Что же с ним случилось? Экскурсовод уворачивается от всех вопросов, которые задаёт Маша. На следующее утро одна из туристок найдена в своём номере найдена мертвой. Жертва делила с Марией комнату, и, похоже убийство произошло, когда наша героиня была на утренней прогулке. Маша понимает, что убийца приходил к ней и перепутал. Чтобы разобраться в семейной легенде и разрешить убийство современности, Маша решает остаться в Мариехамне.

© Мериранта Н., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1.	5
* * *	16
Глава 2	19
* * *	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталья Мериранта

Тайна Крепости Бомарсунд

Глава 1.

На верхней палубе играла музыка, порт оставался позади. Пассажиры, довольные отправлением, занимали места в каютах, в кафе, на палубе, кто-то нетерпеливо жался у дверей Тах-фрие в надежде, что магазин откроют пораньше. Корабль отправлялся в свой регулярный рейс по маршруту Турку-Стокгольм с остановкой в самом необычном месте Финляндии – на Аландских островах.

Это был один из самых первых полноценных рейсов после первого весеннего локдауна – границы для туристов все еще были закрыты, однако многие все же умудрялись пуститься в путешествие в составе рабочей группы или по приглашению родственников. Люди, впрочем, ехать не спешили – кто-то боялся заболеть, кого-то не устраивал карантин, а кто-то потерял основной доход в прошлом году и до сих пор залатывал дыры в семейном бюджете – тут уж не до путешествий. Даже привычные охотники за финским кофе и «Фейри» не так часто сновали туда-сюда, вследствие чего кофе, купленный из-под полы в «финском» магазине стал золотым, и оттого подавался теперь в большинстве домов только в выходные.

Финны, конечно, соскучились – кто еще купит пять пачек за раз, прибавив к этому пару килограммов сыра, и на сдачу шоколад? Работники парома тоже радовались редким гостям из России – в отличие от англичан, которые, напившись, по обыкновению горланят футбольные песни, русские туристы, выпив, валяются в каютах до следующего порта и больше не беспокоят других отдыхающих.

Среди пассажиров была небольшая группа из Петрозаводска, что в Карелии, состоящая из женщин с детьми, пожилых пар и двух одиноких женщин чуть старше тридцати. Группа изначально планировалась рабочей – большинство мужчин были преподавателями и аспирантами кафедры истории. Женщины соответственно – жены и сестры, получившие перед самой поездкой особое назначение от кафедры. Фиктивное, конечно, но поехать уж больно хотелось – и работа для кормильца семьи, и отдых для остальных. Большой частью женская половина изучала содержимое магазинов, пока ученые мужи корпели над древними документами и обменивались с зарубежными коллегами опытом. Группу возглавлял гид, который также служил при кафедре, и ничуть не фиктивно. Профессор Александр Анатольевич гидом был на полставки, а основная его деятельность была преподавательской: он читал курс Скандинавской истории и слыл отличным рассказчиком. В доковидные времена он работал и в нескольких туристических фирмах, разрабатывая программу поездок. В этом путешествии он также весьма успешно сидел на двух стульях: был гидом, рассказывающим истории, о которых даже в учебниках не прочтешь, и главой научной делегации.

Не обошлось в группе и без двух залетных птиц – две молодые женщины оказались в поездке волею судеб. Мария была дочерью одноклассницы Александра Анатольевича, а ее вынужденная соседка по отельным комнатам – любовницей одного из старейших друзей профессора. Им двоим он широким жестом выписал справки об особом назначении от кафедры, тем самым дав возможность девушкам присоединиться к группе. При сборе группы Александр Анатольевич, извинившись, сообщил, что женщины будут делить комнаты в отелях, а также каюту на палубе:

– Вы уж извините, все должны быть по парам.

Так Мария – переводчик, автор, или, по-модному, копирайтер, спокойная и молчаливая – обзавелась путевой подружкой Галочкой – шумной и немного суетливой, но доброй и отзывчи-

вой. Их совместное квартирование было даже приятным – Галя постоянно рассказывала истории о своей работе бухгалтером на городском комбинате, что для Маши было сродни телесериалу – работа и жизнь товарки так сильно отличались от ее собственной, что слушала она ее с неподдельным интересом. Выглядела Галя – только мечтать: стильно, легко, фигурка загляденье. Не зря кавалеры, судя по всему многочисленные, нескончаемо слали сообщения, звонили. Галя каждому посылала поцелуйчики в конце, называя всех «пусечка» или «проказник», залиvisto хохоча над шутками невидимого собеседника. «Что ж, умно, – решила Мария, – чтобы имена не перепутать». Маша грустно вздыхала, глядя на себя: вроде одежда и модная и по размеру, но сидит, словно она ее одолжила у более модной подруги, да вот даже у Гали. Сколько ни смотрела она модных блогеров, сколько ни худела – не было у нее этой легкости. Однажды с гонорара она обратилась к стилисту, на выходе получив гору дорогих и модных вещей, большинство из которых до сих пор висели в шкафу с бирками – мертвым грузом и немym укором о потраченных деньгах.

– Ты, Мария, у нас видная девушка, умная, образование хорошее, но сама понимаешь, мужчине это и не нужно, – сетовали родственники, – ты лучше где-то смолчи, не нужно свое образование выставлять напоказ. В семейной жизни это ни к чему. Не волнуйся, сможем мы и тебя замуж пристроить, даже с дипломами твоими.

«Пристроиться замуж» в той вселенной была наиважнейшая задача каждой девушки, с которой Маша не справлялась. Машина мама не вмешивалась, но переживала за дочку – видела, что та мается, не находя себе места. Мама и была инициатором поездки – после «коронного» 2020, когда мир перевернулся с ног на голову, она решила, что дочери тоже необходима встряска. Страшная и странная весна закончилась. С длинными летними ночами пришла надежда, что худшее позади.

* * *

1 июля 1854 года, крепость Бомарсунд

Милая моя Настенька,

Пишу тебе из нашей новой квартиры – начальство выделило ее мне на прошлой неделе. В понедельник я заселился, мне приставили прислугу, тихую Осу – дочь кондитера. Она из здешних, по-русски не понимает, но моих трех слов по-шведски хватает, чтобы объясниться с ней. Я показал ей твоё фото и фото нашего Феди – подумать только, у меня сын, а я его не видел ни разу! Оса сказала «jättebra» (шв. «очень хорошо») и приготовила для мальши уголок, где мы сможем разместить кровать.

Я жду уже с нетерпением, когда мы с тобой увидимся, я покажу тебе все тут. Ты в таком месте и не бывала ни разу – кругом море, чайки, красные скалы, ветер иногда утихает, но надо быть начеку – в самый неожиданный момент непременно собьёт с ног. Чайки буйствуют, но скромно, разве что у зеваки могут выхватить кусок хлеба. В крепости есть все для жизни, даже школу обещали построить к следующему году. Местные нас любят – стараются хоть пару слов сказать на русском при встрече, нас в гарнизоне обучают шведскому и немного финскому.

Скажи, дошла ли депеша, чтобы вам каюту на корабле выделили по высшему классу? Нужно торопиться – корабль из Генсильфорса отплывает раз в неделю, Вам, чтобы успеть к осени, нужно покупать билеты уже сейчас. Не тревожься перед поездкой, возьми самое необходимое – я тебя тут жду, все решим на месте.

Целую тебя стократно, кланяйся матушке.

Твой добрый муж, Анатолий, лейтенант артиллерии.

Анатолий Скворцов запечатал письмо, спрятал его в сюртук – отправит после обеда. Он слышал, как Оса уже собирала на стол, одновременно отдавая тихие приказы кухарке. После года в казармах собственное служебное жилье, да с прислугой – только мечтать об этом. Распределение на Аландские острова, на задворки империи, поначалу не очень обрадовало амбициозного лейтенанта. Княжество Финляндское для молодого военного было скорее здравницей, сосновым санаторием, а никак не местом для продвижения в карьере. Теперь же, спустя год, казалось, лучшего места и не найти. Ситуация стремительно менялась: острова из задворок превратились в самую что ни есть передовую – первую западную границу империи. Границу, которая должна держать удар.

Крепость Бомарсунд, в которой теперь жил наш лейтенант, возвели в кратчайшие для такого сооружения сроки. Несколько башен еще достраивались, но уже сейчас форт был отлично укреплен с моря – враг не пробьется. А враг не дремал – Крымская война, гремевшая поначалу в отдалении, все ближе подбиралась к воротам западного порта.

Анатолий взглянул на фотографию на столе – в рамке лучезарно улыбалась его жена Анастасия, держа в руках сверток – их сына Федора. «Надо же, сын у меня, – в очередной раз внутренне удивился он. – На кого похож, на меня или на Настю? Она пишет, что Федор вылитый я, маменька говорит, что Настя. Кому верить? Поскорей бы уже самому увидеть».

Из столовой раздалось покашливание – сигнал к обеду. Прислуга, набранная из местных, не отличалась подострастием и не любила своего хозяина, не то что крестьянин на ростовщине, где барин и Бог, и судья. Здесь же отношения были скорее деловые, и оттого на первый взгляд – бездушные. Однако в этом была и своя прелесть, прислуга никогда не совала нос в хозяйские дела, делала свою работу и в положенный час исчезала из поля зрения лейтенанта, чтобы утром появится вновь. Анатолий знал, что и Оса, и кухарка живут тут же в крепости. Оса – вместе со своим отцом-пекарем и тремя шустрými братьями. Оса была статной девушкой лет двадцати. Работа у лейтенанта приносила ей первое в жизни жалованье, которое она полностью могла оставлять себе. Прежде она работала у отца в пекарне, и все заработанные деньги шли в общий котел. Теперь же пять марок в неделю она складывала в шкатулку, хранившуюся в тайном месте. Деньги из шкатулки Оса готовила для переезда в Або, куда она хотела податься, скопив достаточно. Жизнь в большом городе казалась ей увлекательнее, чем на маленьком острове, где всех жителей она знала еще со школьной скамьи. Кухарка жила при госпитале, где ее сын служил санитаром. Если Осу лейтенант время от времени встречал в крепости вне своего дома, то кухарку он и у себя дома видел всего пару раз. В остальное время она словно растворялась в свежем морском воздухе. Это обстоятельство ничуть не печалило Анатолия, пока на его столе вовремя появлялся завтрак, обед и ужин.

Едва Анатолий сел за стол, входная дверь отворилась. В комнату резкими шагами вошел его сослуживец, капитан Йохан Столь. Косая сажень в плечах, роста исполинского – он везде проходил, пригнув голову. Обменявшись шведским приветствием с Осой, которая уже накрывала на вторую персону, он, не дождавшись приглашения, уселся напротив хозяина.

– Что, Толя, обедать будем? – на чистейшем русском спросил он. Йохан хоть родом из Гельсинфорса, но обучался и служение свое начинал в Петербурге, где русский стал ему вторым родным, и как он сам говорил – первым душевным языком. – Ну и я с тобой, ты уж не обессудь.

Сопротивляться было бесполезно, да и не зачем – компания Столя ему нравилась, хоть знакомы они были не так давно. Скворцов сразу почувствовал в нем надежного товарища. Когда-то они виделись в училище, но, будучи разного возраста, в курсантах они не сдружились. Теперь же, встретившись годы спустя, Столь и Скворцов стали приятелями – не разлей вода.

Друзья принялись за трапезу, Оса неслышно скрылась в дверях кухни. Из открытых окон раздавались крики чаек и команды, которые командир отдавал новобранцам. Лейтенант

Скворцов счастливо подумал про себя, что распределение на Аланды оказалось чуть ли не лучшим, что с ним случилось.

* * *

– Так, Машка, мы с тобой спать не будем. В отеле выспимся, а лучше на пенсии. Пусть наши попутчики-тетехи дремлют, а мы с тобой еще молодые, – Галя прихорашивалась в тесной душевой каюты, медленно расчесывая длинные волосы. – Мы сейчас с тобой освежимся, потом в дьютик заглянем, а потом пойдем в караоке-бар. Петь не будем, будем пить.

– Я море с палубы хотела фотографировать, не зря же объективы с собой тащила, – кивнула Маша на огромную сумку с техникой.

Частично это была правда – она в самом деле увлекалась фотографией, и в честь круглой даты все родня скинулась ей на приличное оборудование. Хобби даже приносило небольшой доход – несколько ее фотографий купил, правда, за символические деньги, журнал «География для вас». Вторая же часть правды заключалась в том, что презренного металла было катастрофически мало. На карантине никому не нужны были ее рекламные тексты – агентство временно закрылось. Радовало, конечно, что его не закрыли окончательно, как многие другие конторы, но всю весну и почти половину лета Маша получала лишь малую часть зарплаты. Осенью дела более-менее наладились, но всех штатных сотрудников в целях экономии перевели на полставки.

Удержать штаны на поясе помогали переводы: филологический факультет не только отобрал у нее пару единиц зрения, но и подарил беглые английский, шведский и немецкий. Благодаря этому и запасу, созданному в прежние времена, Маша держалась на плаву, но денег было меньше чем обычно. Даже в эту поездку она, заядлая путешественница, ехать не хотела. А хотела, как Плюшкин, снова накопить свой неприкосновенный запас и только потом – тратить, тратить, не оглядываясь.

Поездка за границу никак не планировалась – и денег не было, и возможности. Родственников в Финляндии у Скворцовых не было, в Турцию не хотелось. Маша без восторга думала о том, что лето проведет на даче у мамы под боком. Пока однажды вечером мама не сообщила тоном, не терпящим возражений:

– Так, Маша, поедешь развеешься. Саша, мой одноклассник, организует профессорскую поездку в Финляндию, Швецию, ну там по программе. Поедут с кафедры, аспиранты его и пара преподавателей, ну и жен-детей своих берут в нагрузку, а я вот тебя и пристроила.

Мария хотела было возразить, но мама предупредительно подняла руку:

– Никаких отговорок. Я уже обо всем договорилась.

Маша призадумалась: цена у тура заманчивая – Александр Анатольевич через свои каналы выбил все возможные скидки, да и программу, помимо учебной, разработал интересную. Тур на восемь дней обещал быть насыщенным. Операторы были и рады продать хоть какую-то настоящую за границу. На домашнем туризме далеко не уедешь, хотя курорты Краснодарского края в этом году были невиданно популярны, но платили-то за них рублями. А откладывать все хотели бы как минимум в долларах.

Опустошив свою копилку, Мария оплатила поездку. Посчитав оставшиеся деньги, приуныла – при самом лучшем раскладе можно надеяться максимум на кофе в день «не по программе». Мама перед отъездом смущенно сунула ей в карман смятую купюру в сто евро: «Прости, больше сейчас нет», Маша стыдливо ее приняла. Не в ее правилах брать деньги у мамы-пенсионерки, подрабатывавшей до сих пор репетитором по английскому. Напротив, последнее время она сама пыталась добавить ей денег «для дачи». Сейчас же эта лишняя купюра от мамы

чуть скрасила бюджет, за что Маша была очень благодарна. «Надо будет купить маме кофе побольше, как она любит».

Отсутствие свободных денег, конечно, немного удручало, но настроение портилось не сильно. Программа тура была замечательная, Александр Анатольевич знал свое дело, рассказывал не только факты, которые можно прочесть в любом путеводителе или учебнике. То и дело вспоминал любопытные истории, которые можно узнать, только проведя достаточное время в архивах. Конечно, хотелось прикупить новых вещей, вон и скидки, даже на пароме, манили. «Выше головы не прыгнешь», поэтому Маша наслаждалась видами, историей и всем, что заранее оплатила. В стоимость поездки, помимо экскурсионной программы, входило трехразовое питание. Об этом Александр Анатольевич позаботился также заранее – не хотел, чтобы его сотрудники теряли время на поиск подходящего по бюджету кафе.

– Фотки еще наделаешь на обратном пути. Или даже вот сейчас – по просекко, а потом на палубу. Фотки выйдут более артистичными. Не дрейфь, мне Пусик бабосиков на карту кинул, за его счет банкет.

Галя житейским умом поняла, что у товарки денег негусто, но одной снова по чухонским, как она выражалась, барам, ей не хотелось. Она прикинула, что Маша при всей ее крепкой конституции много не выпьет, поэтому она, Галя, вполне сможет ее пропойть. Еще бы приодеть подругу не мешало. Мельком увидев содержимое Машиной сумки, она заключила, что одевается та в стиле, что бог послал. А послал он в основном наряды сельской простушки с амбициями городской хищницы. Тем не менее, попутчица Гале нравилась: спокойная, знает много – иногда с Александром Анатольевичем у них такие беседы, что будто радиопередачу слушаешь, помогает с переводом, сама-то Галя только «йес энд ноу» из школы помнит.

– Давай одевайся, что там есть у тебя. Да вот шарфик возьми мой. Я его прихватила с собой, но он мне в поездке ни к чему не подходит. А тебе как раз, курточку твою сиротскую оживит. Еще сейчас тебе помаду купим. Красную. Хотя нет, красная тебя сейчас шокирует. Купим потом. Сейчас возьмем розовенькую, – Галя для себя решила, что Машу не бросит, поможет ей и в Петрозаводске. Да и опять же – иметь умную подругу престижно. С ней можно и на «Мозгбойню» и в «Что? Где? Когда?», да не просто в публику, а даже в команду. Маше же она тоже необходима – вон, какой-то шарфик и плойку свою Галя одолжила – и как будто расцвела переводчица. Камень требует огранки.

Маша с сомнением и удовольствием смотрела на себя в зеркало. Красный шарф в горошек оживил образ и подходил к курточке цвета хаки. Волосы, чуть тронутые плойкой, красиво обрамляли лицо. Маша себе нравилась: «Надо же, почему дома-то я так не делала, у меня же даже плойка в комодке есть. А Галя-то, похоже, знает толк в моде. Может, даст мне пару советов, вынесет модный приговор. Думается, он будет обвинительным».

Маша подмигнула своему отражению, поправила шарфик, освободив из-под него скромное украшение – красный камень в серебряной оправе, на обратной стороне которой было выгравировано «Min kärlek» (шв. «Моя любовь»). Камень смотрелся слегка грубовато – изделия из гранита нечасто встретишь, но Скворцовой нравилось сочетание необычного камня и тонкой серебряной отделки. Это украшение передавалось в семье Скворцовых из поколения в поколение и по легенде приносило удачу. Легенда делала простое ожерелье особенно дорогим, и Маша практически никогда его не снимала.

Паром летел по морю. «Надо же, такая громадина, а словно порхает!», «Да это же просто большой автобус!» – восторженные возгласы согруппников раздавались то тут, то там. Маша улыбалась – некоторые путешественники, несмотря на возраст, вели себя словно дети. Галочка закатывала глаза: «Будто первый раз деревня за границей. Да что там, наш Петрозаводск и есть деревенька».

Все путешественники вывалили на палубу смотреть, как паром легко проходил через архипелаг, подбираясь к следующему пункту путешествия – столице Аландских островов

Мариенхамну. Вокруг простиралось Балтийское море, испещренное маленькими островками. Почти на каждом из них – ну что за прелесть – стояли дачные домики, непременно выкрашенные яркой краской, рядом у пирса покачивались лодки, жители островов отдыхали. Кто-то махал всем проходящим паромам и лодкам, кто-то читал на берегу, не обращая внимания на судоходство. Тут же выплыл паром, отплывающий из Мариенхамна обратно на материк. Редкие пассажиры восторженно смотрели на встречный корабль. От избытка чувств они начали махать путешественникам, что-то выкрикивая. Удивительно, но с соседнего парома ветер донес такие же возгласы на непонятном языке и нестройный ряд рук слегка бесновато тянулся в приветствии с соседнего борта.

Мария всматривалась в линию горизонта, стараясь рассмотреть очертания впереди. Семейная история девушки была связана с островами: здесь когда-то служил ее далекий предок, Анатолий Скворцов, лейтенант артиллерии, 34 лет от роду. Молодой военный пропал, погиб в битве. Хотя погиб ли? Его жена, Анастасия, отказывалась в это верить и до конца жизни ждала, что он вернется домой.

* * *

1 июля 1854 года, крепость Бомарсунд

Отобедав, лейтенант Скворцов и капитан Столь отправились на прогулку по гарнизону. После их ждала серьезная встреча – поговаривали, что готовилось нападение на Бомарсунд. Шла Крымская война, коалиционные войска уже кружили в балтийских водах в ожидании момента для нападения. Англичане опасались возросшего влияния Российской империи на Балканах, страшились, что это откроет России путь в Азию. Французы не могли простить поражения 1812 года и с удовольствием ввязались в войну, надеясь вернуть гордость своему флагу.

Война для простого человека – дело жуткое. Мало кто из крестьян, набранных в пехоту, умел держать оружие в руках, привыкших к плугу. Война призывала их со своих дворов, где они часто оставляли за старшего двенадцатилетнего мальчишку. Женщины, вынужденные нести хозяйство на своих плечах, быстрее старились, дети, помогающие матерям, быстрее взрослели.

Многие уже не возвращались обратно, оставив свои кости в чужой земле за много верст от родного дома. Смерть на войне застает такого человека врасплох, вызывая скорбное недоумение сослуживцев: «Славный был мужик!». Славный мужик никогда не возвращался домой, не видел, как растут его дети, никогда больше не выходил на сенокос. Память о нем растворялась в воздухе, как будто никогда его и не было.

Совсем другое дело – война для человека умелого, военного. Того, кто выбрал для себя военную стезю, кто делом и словом решил защищать Родину. Для того война – дело жизни, а смерть за Родину – лучшая смерть. Таким человек был лейтенант Скворцов, таким же – его друг капитан Столь. Их обоим мысль о возможной битве будоражила. Лихорадочно они обсуждали стратегию, перебивая друг друга, завершая предложения друг друга, говоря о достоинствах крепости, которую им предстояло защищать.

Одно беспокоило Скворцова – не отложит ли предстоящая битва прибытие Настасьи с сыном. Как бы не угодили в самое пекло сражения. Но и оттягивать их приезд тоже не хотелось – не терпелось уже снова из гарнизонного холостяка стать семейным человеком.

– Как считаешь, Столь, успеет моя Настенька приехать? Может, обождать ей, пока не успокоится?

– Думаю, им надо выдвигаться в сторону Гельсинфорса. Туда дорога неблизкая из Петербурга, в столице ей нужно пару дней отдохнуть, осмотреться. Да пусть и подольше побудет – там теперь такие улицы! Как в Петербурге! Гулять можно часами. Остановиться может у моей

матушки, я сегодня же напишу ей и все устрою. Она только рада будет. Побудет там, а потом и сюда. А мы к тому времени уже французов прижмем и разгромим. Заживете с ней лучше прежнего.

– Йохан, спасибо, друг, не подвел! – Скворцов кинулся было обнимать своего друга, но тот мягко отстранил приятеля.

– У нас не принято. Вы, русские, любите обниматься. Чуть что – зажали в объятьях, что не вздохнуть, – засмеялся Столь. – Ну, пойдем же, нас уже ждут в ставке.

Столь и Скворцов направились в сторону штаба. Оса, все это время наблюдавшая за их разговором из окна, задумчиво сказала: "Det blir något" (шв. «Что-то будет») и закрыла окна, чтобы чайки, кружившие вокруг, не смогли залететь внутрь комнаты.

В ставке их действительно ждали. Комендант крепости Яков Андреевич Бодиско – нестарый еще статный генерал расхаживал из угла в угол. Про него поговаривали, что регалии свои он скорее получил за служение, а не военные заслуги. Назначение на Аланды для него, казалось, было даровано свыше. Месяц назад он получил звание генерала, за которым гнался последние 10 лет, но которое все ускользало от него в силу отсутствия явных полководческих талантов. Он втайне надеялся, что битвы удастся избежать и что главный удар придется на Кронштадт. В июне они уже дали отпор нескольким кораблям союзников. Он надеялся, что Бомарсунд для англичан либо не слишком интересен, либо не так важен для нападения. Оба варианта его устраивали.

– Ну, начнем же! – воскликнул он, увидев вошедших Скворцова и Столя.

– Разведка доложила, что нас ждет атака на флот. В связи с этим сосредоточимся на укреплении обороны. Надо иметь в виду, что строительство крепости продолжится после того, как минует опасность. Сейчас важно расположить корабли так, чтобы они прикрывали участки с недостроенными башнями. В помощь нам направлены корабли, но неизвестно, когда они прибудут.

Бодиско уверенно водил крепким пальцем по карте, показывая, куда может ударить флот союзных войск. Он сдержанно жестикулировал, желваки ходили туда-сюда под тонкой кожей. Не хотелось Бодиско больше воевать, не хотелось!

Йохан и Анатолий ловили каждое слово коменданта, внося свои предложения и поправки, которые встречались сослуживцами одобрительными возгласами. Даже Яков Андреевич приосанился, с такими военными судьба крепости в надежных руках.

– С Божьей помощью справимся!

* * *

Андрей Анатольевич пересчитал всех путешественников в терминале. Группе предстояло быть первооткрывателями – кафедра истории была первой организованной группой на Аландах. Признаться, исторических дел у историков на островах не было, но то была юношеская мечта профессора – побывать на архипелаге, затерянном в Балтийском море.

– Друзья мои, у нас с вами практически исторический момент! Впервые в истории, нет, не человечества, но нашей компании мы с вами делаем остановку на Аландских островах. И не просто дозаправиться, но чтобы осмотреть главный остров, – гордо объявил Андрей Анатольевич.

– Поверьте, вы не пожалеете, что здесь остановились! Конечно, все мы не обозрим – да это и невозможно, архипелаг состоит из 6 757 островков, все разного размера. Вы представьте себе: один из них даже меньше квадратного метра! На такую крошку мы, конечно, не поедем, но все, что сможем, – посмотрим. Аландские острова – единственное моноязычное место в Финляндии, где первым и единственным языком является шведский. Вы, Машенька, будете

тут как рыба в воде, да и в Стокгольме тоже, – он игриво подмигнул Скворцовой, довольный своим каламбуром.

Маша вежливо улыбнулась гиду. Она страшилась иногда, что такой вот Андрей Анатольевич когда-нибудь станет ей мужем. Она отчаится, захочет угодить наконец родственникам, чтобы они перестали жалостливо смотреть на нее на семейных праздниках. А что, человек он неплохой. «Только ссытся и глухой», – про себя прибавила Маша. Она гнала мысли, муж как субъект был ей не нужен, а нужен был, как сказали бы в Америке, «partner in crime» (англ. «поделец»), который пошел бы за ней в огонь и в воду.

В воздухе пахло свежо. Ветер, одновременно порывистый и успокаивающий, теребил флаги скандинавских стран, встречавшие паромы в порту. Закатное солнце раскинуло свои лучи. Небо, казалось, сливается с морем, море плавно переходит в виднеющиеся то тут, то там островки. Все вокруг погружалось в ночь, чтобы на рассвете явиться путешественникам во всей красе.

– Сегодня нас ждет экскурсия по городу и ужин в одном из самых колоритных ресторанов на старом торговом корабле. Ну а завтра, когда мы как следует отдохнем с дороги, отправимся смотреть главные достопримечательности острова. К нам присоединится мой коллега, гид Густаф Столь. Его семья уже много поколений живет здесь, кто лучше местного может обо всем рассказать!

Группа занимала места в автобусе. Маша чувствовала себя как школьница, чьей подружкой была самая популярная девочка в классе. Все хотели занять место с Галочкой. Женщины, молодые и постарше, тянулись к ней за советом. Мужчины летели к ней, как мотыльки на огонь. Галя на ходу раздавала советы, проигнорировала заинтересованные взгляды мужчин – на роль «пусиков» они не годились – кто в силу возраста, кто по скудности бюджета, и уселась рядом со Скворцовой.

– Машка, тут, конечно, скучища будет. Я погуглила – всего 30 000 человек на всех островах живет. Хорошо, что мы уже через две ночи-один день отчалим в Стокгольм. Там-то и покуролесим.

Маше стало весело оттого, что она, Маша Скворцова, которая в клубе была лет двенадцать назад, собирается куролесить с малознакомой Галей, если не подружкой, то хорошей приятельницей. «Надо будет в гости ее позвать», – решила Маша.

Со всеми школьными и институтскими подругами жизнь развела – кто вышел замуж, кто уехал в другой город, а кто и то, и другое. Некогда лучшая подруга уехала в другую страну, где ее карьера пошла в такую гору, что ей теперь не с руки общаться с теми, кто остался у подножья, в прошлой жизни. Раньше они иногда переписывалась «Вконтакте», но сообщения с каждым разом становились все короче и короче. Перепитии Машинной жизни в Петрозаводске мало интересовали старую подругу, про свои же дела она рассказывала мало и довольно сухо. Постепенно сообщения стали совсем короткими и редкими – они поздравляли друг друга с днем рождения и Новым годом. Горечь от потерянной дружбы Машу тяготила. Иногда она – как раньше – порывалась написать ей, если случалось что-то смешное или грустное. Эти сообщения навсегда оставались в «неотправленных». Прошлое остается в прошлом, в настоящем оно только мешает.

Новая подруга Маше была просто жизненно необходима. И Галя отлично подходила на ее роль.

В отель заселились быстро. Старой виллой, переделанной под гостевой домик, управляла пожилая семейная пара. Они приветливо и слегка недоверчиво проверяли паспорта, занося в картотеку данные о гостях. Русские путешественники, тем более в группе – явление нечастое, не только в посткоронные времена. История островов тесно связана с Россией, даже вот главный город, Мариехамн, получил свое название в честь императрицы Марии Александровны, супруги императора Александра II.

Сейчас же – летом 2021– любые туристы были на вес золота, любые постояльцы в гостевой домик были желанны. Анна и Гуннар, владельцы, купили виллу на свои сбережения и, выйдя на пенсию, открыли пансион. Они вежливо приветствовали гостей. Гуннар очень удивился, получив запрос от компании «Тур для вас». Надо же, группа туристов из России останавливается на две ночи. Странно и удивительно. Он даже не сразу ответил на запрос: согласиться на размещение – значит, закрыть пансионат для других гостей, комнат на других гостей попросту не хватит. С другой стороны, принять группу – означало выплатить задолженность банку. Этот сезон для пансиона снова оказался губительным: занятыми одновременно были пять-семь комнат из пятнадцати. Анна, пытаясь конкурировать с такими же домиками на острове, каждое утро вставала в пять утра, чтобы к завтраку, помимо обычных бутербродов и кофе, подать островной деликатес – блинчики по-аландски. Благодаря этому путешественники были довольны, отмечали они и необыкновенно уютную атмосферу. Каждую комнату Гуннар и Анна обставляли скрупулезно, подбирая детали, благодаря чему гости чувствовали себя не в пансионате, а как будто в доме у бабушки с дедушкой, которые тебе рады. Гости это ценили, на прощание жали руки, обещали приехать снова и порекомендовать друзьям. Благодаря цепочке рекомендаций поток постояльцев был хоть и скудный, но постоянный.

Однако же отвергать такой большой заказ в самом начале лета было бы неразумно. Еще неизвестно, как сложится этот год. Газеты одна за одной пугали третьей волной. Посоветовавшись, супруги ответили согласием. И вот группа русских туристов стоит теперь на пороге – самая большая за всю историю пансиона.

Это были простые люди, такие же, как Гуннар и Анна, которые решились на путешествие. Слегка взбудораженные и уставшие от долгой дороги. Гуннар это чувство знал – два года назад, в честь свадебной годовщины, он и Анна провели 10 дней в автобусном туре по Европе. Устал он за эти дни страшно, толком и не увидели ничего: на осмотр достопримечательностей отводилось по 15 минут, которых едва хватало, чтобы сделать несколько фото и опрометью нестись обратно в автобус. После этого Гуннар отказался от любых поездок: «Все, что мне нужно, есть тут, на острове». Анна вздохнула, но мужу перечить не стала. Втайне иногда она мечтала еще раз побывать в Италии, но понимала, что мечтам этим не осуществиться.

Путешественники немного суетились – не мудрено, когда не знаешь, как вокруг устроено дело, легко и растеряться. Кого в какую комнату поселят, кому быстрее выдадут ключи. Русские слова раздавались приглушенно-звонко, тут же родители шикали на чересчур расшумевшихся детей. «Если закрыть глаза и слушать, кажется, что водопад неподалеку», – подумал Гуннар. Русский язык он слышал всего пару раз, и всякий раз ему казалось, что это не люди говорят, а шумная река рядом набирает обороты.

Чуть полноватый и высокий мужчина принял ключи у Анны и стал раздавать их, вызывая каждого из гостей по фамилии. «Должно быть, гид, – догадался Гуннар, – надо будет с ним на следующие группы договориться, человек он вроде надежный». Люди торопливо подходили забирали ключи, брали чемоданы и разбредались по комнатам.

Маша стояла в очереди последней и оглядывала интерьер пансиона с нескрываемым интересом. В поездках в прошлой доковидной жизни она много внимания уделяла жилью и редко останавливалась в сетевых отелях, предпочитая маленькие пансионы, как этот. О сетевых отелях Маша была не очень высокого мнения: все чисто и хорошо, но души в таких местах нет. В пансионатах, которые держат местные жители, всегда есть частичка их самих. Вот и здесь было заметно, что хозяева подошли к оформлению всем сердцем: живые цветы в вазах, свечи, картины на стенах. Все к месту, без пошлости и излишней захламленности. Из единого стиля чуть выбивался портрет, висящий прямо на стойке регистрации. На темном фоне был изображен нестарый еще мужчина, но морщины на лбу и вокруг глаз придавали ему вид немного враждебный. Голубые глаза словно внимательно рассматривали каждого гостя, оцени-

вая, достоин ли он переступить порог этого дома. Общий настрой картины, обрамленной тяжелой золотой рамой, придавал некоторую торжественность рутинному заселению в пансион.

Маша, получив ключи последней, подошла к Анне и спросила на беглом шведском, есть ли вай-фай в комнатах.

– Nämen, talar du svenska, lilla vän? (шв. «да ты говоришь на шведском, дружок») – опешила хозяйка. Тут же она подозвала мужа, чтобы представить ему диковинку сезона – молодую русскую женщину, говорящую по-шведски.

Поохав, супруги выдали пароль от вай-фая, сказав Маше напоследок, чтобы она не стеснялась обращаться, если понадобится что-то еще. Скворцова поблагодарила приветливых хозяев. От нее не укрылось, что мужчина заметно нервничал, когда их группа дружной гурьбой ввалилась в пансион. Смотрел на гостей с тревогой, но с каждым новым заселением слегка успокаивался. Услышав, что Скворцова хорошо говорит на шведском, старик словно оттаял. Уже на лестнице Маша спросила:

– А кто это у вас такой строгий на портрете?

– Это, – важно ответил Гуннар, – мой предок Йохан Столь. Он для Аландских островов сделал очень много. Он радел за благополучие как островов, так и всей Финляндии. Такие люди, как он, воистину творят историю своей страны. Для меня он, конечно, не просто великая фигура в истории, но и родоначальник нашей семьи здесь на островах. Вырос и родился на материковой Финляндии, но здешние красоты его так очаровали, что он остался тут после службы. Благодаря ему семья Столь нашла свое место.

Гуннар важно посмотрел на гостью. Маша кивнула. Ей нравилось, что старик так оберегает историю своей семьи. Это она понимала и уважала.

До ужина оставался час. Мария хотела погулять, осмотреться – маленькие улочки так и манили. Городок, даже из окна автобуса, показался ей премилым. Повсюду виднелись башенки деревянных вилл. Обшарпанность придавала особый шарм даже тронутым разрухой домам, которые чуть стыдливо выглядывали из-за более ухоженных соседей. Море слегка взбудораженно качало на волнах лодки, звук от раскачанных мачт проникал в каждый уголок города, смешиваясь с разговорами людей, музыкой, доносящейся из кафе, и грохотом редких машин. Маша вслушивалась в этот созданный природой и человеком гул. Было в нем что-то медитативное.

В комнате, которую они получили с Галей, время словно остановилось. Со вкусом подобранные детали перенесли их в начало двадцатого века. Большое эркерное окно впускало зимнее солнце, которое отражалось на медных набалдашниках кровати. Тяжелые кресла так и манили присесть, отдохнуть, почитать книгу. Маленький журнальный столик был украшен скромным букетом хризантем. Скворцова аккуратно подняла вазу, чтобы посмотреть на вензель. «Надо же, наш родной ЛФЗ, – удивилась она. – Похоже наши супруги-хозяева – любители винтажных вещичек». Зеркальное трюмо, выдавшее на своем веку много красавиц, сейчас отражало Машу в ее дорожном наряде, украшенном Галиным шарфом. «Надо же, такая маленькая деталь, а вид – но совершенно другой», – в очередной раз отметила она.

Галка суетилась тут же – прыгала с кровати на кровать, пытаясь определить, на какой же она хочет спать.

– Я, Машка, хочу себе ту, которая помягче. У меня от автобуса уже спина затекает, хочу хоть ночью расслабиться, – простовато объяснила она. Маше было все равно – ее саму это путешествие будоражило все больше и больше, хотелось запомнить каждую минуту, а на чем спать – ей было все равно. Не на раскадушке, и ладно.

Выбрав кровать, Галина разложила свой набор – его Маша видела уже в отеле в Турку. Чемоданчик, который Галя взяла с собой и берегла пуще паспорта с визой, был полон косметики, кистей, тоников, спонжей, щипчиков и еще каких-то предметов, о назначении которых Маша имела лишь отдаленное представление. В первый же вечер тура Галя провела над ним

около получаса и, когда она его закрыла, от нее сложно было отвести взгляд. Кожа светилась изнутри, глаза загадочно мерцали, губы как будто чуть увеличились. За полчаса Галка превратилась из случайной попутчицы в таинственную красавицу, случайно оказавшуюся в автобусном туре.

Сейчас же, судя по решительному взгляду новой подруги, Галка была готова поработать над ней – Машей.

– Садись, – не терпящим возражений тоном сказала она Скворцовой. Маша и не думала сопротивляться, ей хотелось, чтобы Галя с волшебным чемоданчиком поколдовали и над ней. «На прогулку схожу после ужина», – подумала она, закрыв глаза и подставив лицо огромным кистям, которыми Галина уже орудовала на ее лице.

* * *

2 июля 1854 года, крепость Бомарсунд

Лейтенант Скворцов проснулся на рассвете. Из кухни доносились приглушенные голоса – Оса и кухарка что-то эмоционально обсуждали. Анатолий пытался вслушиваться, но, как ни старался, ничего разобрать не мог. «Надо бы подтянуть, конечно, шведский. Да Настасье написать, чтобы тоже начинала учиться. Даст Бог, мы тут задержимся, хорошо бы и по-местному понимать», – прикинул он.

На столе уже было накрыто, Оса сноровисто расставляла завтрак, наливала кофе из серебряного кофейника.

– Оса, голубушка, слышно ли что от ювелира? – такое предложение, конечно, Осе понять было пока не под силу, но слово «ювелир» она узнала и закивала головой.

– Ювелир, ја. I morgon, – коротко сообщила она.

Анатолий готовил сюрприз жене – серебряный кулон с аландским камнем – красным гранитом. Он опасался, что ей, коренной петербурженке, будет скучно в крепости, поэтому хотел скрасить подарком ей первые дни пребывания. «А там и пообвыкнет», – надеялся он.

Подав завтрак, Оса вернулась в кухню, где уже варился обед. Кухарка строго на нее посмотрела:

– Не сказала?

– Да как я могу! – всплеснула руками Оса.

– Пойди к отцу, расспроси, пусть он поможет. Надо об этом сказать. Что-то замышляется.

Оса покачала головой. Как о таком скажешь. По-шведски лейтенант не поймет, по-русски она не скажет. Только если переводчика найти, но дело деликатное, втягивать в объяснения третьего – значит, рассказать всей крепости. Что двое знают, уже не тайна. Оса в растерянности смотрела на кухарку, которая утром поведала ей, что на рассвете, покупая свежий улов у рыбаков, она видела, что капитан Йохан Столь выходил из ставки с большими свертками, крадучись и оглядываясь по сторонам.

Март 1855

Настасья закрыла двери в детскую. Федор мирно спал, она и сама собиралась ложиться. В дверь постучали. На пороге стоял заснеженный кадет.

– Посылка для Анастасии Скворцовой, – он сунул ей в руки маленький конверт, развернулся и побежал вниз по лестнице.

Настя не успела ничего сказать, не успела спросить, от кого посылка. С тех пор, как пришло известие о гибели Анатолия, писем она боялась. Хотя самое страшное уже случилось, и новостей хуже полученной она уже не ждала.

В комнате она вскрыла конверт. Из него выпал кулон – красный камень в серебряной оправе, на тонкой цепочке. «Боже, от кого это?». Взяв кулон в руки, на обратной стороне она увидела гравировку «Min kärlek».

«Надо же, на шведском? Возможно ли?»

Из конверта выпала сложенная вчетверо грязная бумажка.

«Всегда твой, всегда рядом. Анатолий»

Прочитав эти строки, Настя с громким вздохом упала на стул и впервые с августа 1854 года расплакалась.

* * *

После ужина Галина затащила Машу в ближайший бар. Скворцова была благодарна невидимому «пусику», спонсору их с Галей вечернего развлечения. Как герой невидимого фронта, он сделал все, чтобы дама его сердца была довольна. Сам того не зная, он осчастливил и Машу, которая по стечению судеб, оказалась попутчицей его зазнобы.

Увидев себя в отражении барного зеркала, Мария слегка отпрянула. Когда Галина сложила кисти в свой волшебный чемодан в зеркале отражалась уже не Маша, а Маша версия 5.0.

– Ну, подруга, а ты ничего! Глянь-ка на себя: и скулы, и глаза, и брови соболиные. Ты зачем красоту такую прячешь? – Галя была довольна собой и подругой, – Еще бы наряд тебе попримечнее, вообще была бы Мисс Мира. Эх, жаль, что у нас размер разный, я бы тебе платье дала, тут бы все моряки в штабеля уложились. Ну ничего, твой прикид для этой сельской местности сойдет.

Маша удивленно разглядывала себя в зеркало. Все было на месте, все было как прежде, но вот взгляд было не оторвать. «Ай-да Галка и ее волшебный чемоданчик! Решено, заведу себе такой же».

Народу в баре было немного – там кучка, здесь другая, несколько человек у бара. Никто не подходил друг к другу слишком близко, на каждом столике стоял дезинфектор. У бара дедулька пытался на потеху своим друзьям выпить пива, не снимая маски.

– Так, – обработав руки, Галя широкими шагами направилась к барной стойке, – сейчас мы посмотрим, есть ли тут на кого поохотиться. При наличии разнообразных поклонников Галя, как она сама говорила, готова была рассматривать все варианты. Пока ни один из поклонников не звал ее в ЗАГС, она считала себя свободной девушкой, которая вправе самостоятельно распоряжаться своим временем. Если в это время она встретит другие варианты, значит, так тому и быть.

Мария, воспитанная на русской литературе, все ждала героя своего романа. Серьезные отношения в ее жизни были всего одни, которые, как и полагается, закончились разбитым сердцем. Роман, длившийся почти пять лет, завершился довольно пошло – оказался ее возлюбленный изменял ей с пианисткой. «Променил литераторшу на пианистку», – грустно констатировала она.

С тех пор прошло уже больше семи лет, но отношения ни с кем так и не сложились. Череда бесконечных свиданий стала напоминать собеседования на работу – чем старше становилась она, тем придирчивее мужчины спрашивали у нее, почему она до сих пор не замужем. В начале 2020 года она решила сделать перерыв – на одном из последних первых свиданий ее визави сказал «Да, ты, конечно, уже товар порченный. Да и ешь многовато. Маша не нашлась, что ответить, поэтому встала, оделась и вышла из кафе, оставив несостоявшегося возлюбленного расплачиваться за них двоих. Он не стал ее догонять, но потом целый вечер, пока Маша не заблокировала его, требовал перечислить ему 500 рублей за кофе и штрудель, которые она себе заказала.

«Все, хватит! Нет сил ходить на свидания с такими, как он», – Маша удалила все приложения знакомств из телефона. Она решила, что это теперь не ее задача – искать мужчину. Как говорится, ищите женщину. Так вот пускай мужчины эти, теперь ее, Машу, ищут. План этот, впрочем, с треском провалился. В условиях коронавируса ее мог найти только доставщик воды Григорий Палыч, который заказами зарабатывал себе на бутылку.

Подруги уселись у стойки, Галина по-хозяйски окинула взглядом всем присутствующих. Контингент, конечно, соответствовал маленькому морскому городу. Пенсионеры, отцы семейств, выбравшиеся на свободу на один вечер, и моряки. Женщин в баре почти не было,

либо это место было слишком brutальным для местных красавиц, либо девушки Мариехамна предпочитали другие развлечения.

– Что же, тем меньше конкуренция. Сейчас еще по одному дринку, и я начну говорить на языке любви. Вряд ли здешние красавцы понимают по-русски. Ты, Маха, тоже не теряйся. Тут, конечно, принца мы тебе не найдем, но тренироваться надо на мышцах. Считай, это твоя лаборатория, отрабатывай приемы. Ты тем более по-шведски кумекаешь, как надо, – инструктировала Галя, попивая коктейль.

Маша, снова словив свое отражение в зеркале, ободрилась. Уже целых десять минут она не сводила глаз с голубоглазого мужчины на другом конце стойки. Он, в свою очередь, наблюдал за ней с того самого момента, как она зашла в бар.

Глава 2

За завтраком царило оживление. Русская группа с удовольствием пила кофе, уплетала за обе щеки бутерброды и блинчики. Дети спрашивали добавки. Анна с изумлением отметила, что люди в группе очень интеллигентные, разбирающиеся в истории, в том числе и в истории Финляндии. Вчера она вместе с несколькими дамами элегантного возраста за вечерним чаем обсуждала французскую и английскую литературу. Хотя по-английски российские дамы говорили чуть хуже, чем она сама, дискуссия от этого не стала менее оживленной.

Гуннар весь вечер проболтал с Александром Анатольевичем. В полночь они расставались уже друзьями, называя друг друга «Гуня» и «Саша». Гуннар был доволен – он договорился с профессором, что теперь Мариехамн и их гостевой домик будет вставляться в программу поездок. «Даст бог, скоро эта котовасия с вирусом закончится, и заживем как в прежние времена». Довольные друг другом, они разошлись, вот и теперь, обойдя все столики, Гуннар пристроился к своему новому другу.

Маша сидела за столиком на открытой террасе – наслаждалась утренним солнцем и любовалась просыпающимся городом. При воспоминаниях о вчерашнем вечере у нее зарделись щеки. Голубоглазый мужчина из бара оказался Акселем, с которым они протанцевали почти всю ночь. В баре, где моряки пьют пиво и рассказывают сальные истории, не было танцплощадки, но был старый проигрыватель. Аксель и Маша танцевали между стульев, ловко лавируя среди посетителей.

Они и не успевали поговорить толком, стоило одной песне закончиться, как начиналась следующая – еще лучше прежней, и ноги сами несли их в пляс. Когда свет три раза погасили – знак к тому, что заведение вот-вот закроется, они вышли на улицу. Без расспросов Аксель проводил ее до пансиона, где по-пионерски поцеловал в щечку. На том распрощались. Ни фамилий, ни телефонов, ни даже не обмена адресами в «фейсбуке». Танцевальный вечер растворился в прозрачном ночном воздухе.

Рядом шумно прихлебывала утренний кофе Галя. Она, в отличие от подруги, пришла домой под утро, но после трех часов сна была свежа, как майская роза. Маша не могла понять, то ли так на нее подействовали морской климат и ночные приключения, то ли соседка уже успела поколдовать над своим чемоданчиком.

– А вечерок-то был хороший. И ты, Машка, молодец, не растерялась. Я тебе говорю. Тренируйся на мышах. Считай, это твои университеты и лабораторные работы. В Петрозаводске начнется практика.

Маша довольно улыбалась. Вечер и впрямь был просто отличный. И тренировочный мышь очень симпатичный, и танцует хорошо. Нужно было телефонами обменяться. Ну или хоть имейлами.

Александр Анатольевич резко поднялся:

– Группа, внимание. Отъезд через 10 минут. Кому надо – марш в комнату припудрить носик. Отбываем без опозданий.

Ровно через 10 минут группа расселась по своим местам в автобусе. Гид увлеченно о чем-то беседовал с незнакомым мужчиной, который занял кресло рядом с ним. Водитель настраивал навигатор.

– Группа, познакомьтесь с нашим гидом на сегодня. Густаф Столь, прошу любить и жаловать. Густаф – местный до самого мозга костей, сам всю жизнь на острове, и вся семья отсюда. Сегодня я вместе с вами буду как простой турист. Столько, сколько Густаф может рассказать об острове, я никогда не смогу узнать, даже если всю жизнь, до пенсии, проведу в архиве.

– Александр, полно, – неожиданно по-русски, но с заметным акцентом произнес Густаф. – Расскажу все, что знаю, это я точно могу обещать. Добрый день, группа, я – Густаф,

ваш гид на сегодня. С Александром мы знакомы со студенческих лет. Когда-то очень давно я проходил у вас в Петрозаводске языковую практику. Тогда-то мы и познакомились. Мой русский уже не так хорош, но, думаю, договоримся, – произнес вступительную речь гид.

– Да хорошо говоришь, не тушуйся, – тут же поддержали Густафа историки, быстро перейдя на «ты». – У нас, вон, Мария есть, она по-шведски понимает. Если что – переведет.

Маше меньше всего хотелось работать в отпуске, но настроение было хорошее, да и гиду, похоже, если и нужна будет помощь – то совсем немного. Она ободряюще кивнула Густафу, мол, не волнуйся, не подведу.

Автобус тронулся. За окном потянулись пейзажи поздней весны. Экскурсовод откашлялся:

– Аландские острова – особенное место. Это не Финляндия, и не Швеция. В Италии есть Ватикан, государство в государстве. У нас есть Аландские острова. Как вы уже, думаю, знаете, официальный язык островов – шведский, но история наша связана тесно не только со Швецией, но и с Россией. Как шутят местные – в каждом аландце течет кровь русских моряков.

Как свидетельствуют археологические раскопки, острова уже были частично заселены уже в четвертом веке до нашей эры. Через Аландские острова позже пролегал также знаменитый путь из варяг в греки.

Мария слушала гида, смотря в окно. В голове проносились семейные легенды, которые Маше мама рассказывала, как сказки на ночь. О далеких предках, воевавших за Родину в разных уголках земли. Маше всегда интересно было побывать там, где когда-то были и жили Скворцовы. Места, связанные с историей семьи, вызывали у нее некоторое сердечное томление. Мария знала, что Скворцовы никогда не боялись войны, всегда были открыты сердцем и готовы защищать свое отечество до последней капли крови.

Больше всего из всех семейных историй Маше запомнился рассказ о ее пра-пра-пра-прадеде Анатолия Скворцова. Он служил прямо тут, на Аландах. Сердце сжималось, когда Маша думала, что, может, вот по этим дорогам ездил, ходил ее предок. Ну, конечно, это все сентиментальные предположения. Мариехамн основали много позже, чем погиб Анатолий.

Несколько лет назад на дачном чердаке Мария нашла коробку, полную старых, даже старинных писем. Витьеватый подчерк, незнакомые вензеля. Среди писем нашлась и фотография – молодой человек в военной форме с залихватскими усиками. Несмотря на них, он не походил на щеголя или повесу. Смелые глаза смотрели в камеру, рот упрямо сжат. На обратной стороне подпись: «Анатолий. Март 1853 года». Маша знала из рассказов, что в тот месяц лейтенант Скворцов отправился служить на Аландские острова. Оттуда он уже не вернулся. В августе 1854 года его жене Анастасии пришло печальное известие – Анатолий погиб во время битвы за Бомарсунд.

Его жена, оставшись одна с ребенком на руках, не роптала на тяготы судьбы. Выростила сына Федора. Несмотря на похоронку, она верила, что Анатолий жив, но не может вернуться. Спустя полгода после его смерти она получила по почте кулон. Этот кулон передавался в семье Скворцовых потом из поколения в поколение. Тот самый, который теперь носила Мария. Серебряный, из красного гранита. Вместе с кулоном Анастасии пришла записка, которая теперь также хранилась вместе с письмами.

Эта находка превратила сказку, которую Маша часто слышала перед сном, из семейной легенды – в настоящую историю. Вот письма, вот кулон, вот старые фотографии. Мария знала, что Анастасия никогда не теряла надежду на возвращение мужа. Ей сложно было поверить, что записка с кулоном, даже в условиях военного времени, не могла добираться почтой так долго. Нет, ее определенно отправил Анатолий. Он жив, он где-то недалеко, но что-то мешает ему вернуться к своей семье.

* * *

2 июля 1854 года

В штабе царило напряжение: пропали карты гарнизона, планы будущей застройки и письма из Петербурга. С утра Бодиско велел высечь дневального, который последним выходил из ставки. В обязанности его входило закрыть все двери после уборки. Бодиско подозревал, что служивый улизнул раньше положенного, а уборщицы не было ключей, чтобы закрыть замки.

Дневального высекли. Бумаги не нашлись. Яков Андреевич впал в отчаяние. Если карты и письма попали к врагу, значит, подмогу они не дождутся. Она должна прийти со стороны Кронштадта, а значит, подходы оттуда союзные войска могут заблокировать. По картам застройки можно легко вычислить, где в крепости брешь, слабое звено, туда и будут бить. Надо подготовиться.

Самое страшное же было другое. Если бумаги у врага, – их из штаба кто-то вынес. Значит, в его команде – враг, предатель.

– Толя, что делать? – жалостливо и по-стариковски произнес Бодиско и посмотрел на лейтенанта.

Из бравого коменданта за какой-то час он превратился в немощного, растеряного и немолодого уже человека. Скворцов молчал. Дело было плохо. Он понимал, что больше всего комендант опасается, что предатель, забравшийся в самое нутро, доложил союзникам все. Значит, у них больше нет преимущества. Они перед врагом как на ладони, никуда не спрятаться.

Анатолий хмурился. В ставку на утреннюю встречу был вызван только он и Йохан. Приближенные лица Якова Андреевича. Им предстояло решить, что делать. Что делать с обороной, нужно срочно менять планы. Что делать с предателем? Только вот кто он?

В штаб, помимо Бодиско, Столя и Скворцова, доступ имели еще 10 человек. Всего 13. Чертова дюжина. Кто же из них? Не хотелось думать ни на одного. Каждый – товарищ, с которым пройдено немало. С некоторыми Бодиско служил уже не одно десятилетие. Кто помоложе – все проверенные, с рекомендациями.

Господи, как же так получилось?

Столь и Скворцов переглянулись.

– Так, Яков Андреевич. Пока утечку не афишируем. Начнем, как обычно, пусть все соберутся. Коли спросят, что мы тут секретничали, скажем, пришла депеша из Петербурга. Что на помощь высылается, помимо судов, дополнительно рота солдат. Скажем, что была бумага, – Скворцов, стараясь скрыть волнение, говорил излишне натянуто, отчеканивая каждое слово. В голове у него проносились мысли, одна чернее другой. Кто же? Кто же украл карты?

* * *

Мария слушала экскурсовода. Мысленно она похвалила Александра Анатольевича. Понял, что его старый товарищ расскажет больше, полнее и лучше, и ушел из-под света рампы на один день. Не постеснялся. И сам что-то новое услышит, и группа узнает все из первых уст.

Группа слушала Густафа, открыв рот. Несмотря на акцент, рассказывал он очень складно. Похоже, готовился не один день. Пару раз забывал слово, но Маша тут же его выручала – оказалось, совсем не в тягость. Густаф не злоупотреблял ее помощью, и ей это нравилось.

«Толковый человек, надо будет с ним контактами обменяться. Наверняка у него есть доступ в архив. Наконец сможем узнать, что случилось с нашим Анатолием».

– Как вы знаете, наш Марихамн – совсем молодой город, но развивается он быстро. У нас теперь даже университет есть, несколько крупных предприятий. Конечно, молодежь часто уезжает, особенно учиться – все едут в Швецию, – продолжил Густаф. – Грустно, конечно.

По-фински здесь никто почти не говорит, поэтому ехать вот даже в Турку или Хельсинки молодежи нашей смысла нет.

– А почему финский-то плохо знаете? Все же Финляндия! – недовольно пробурчал один из историков.

– Финляндия-то Финляндия, – отозвался экскурсовод, – да не совсем. Аланды – особое место, и аландцы – особый народ. Когда революция в России произошла, тут подготовили бумагу, чтобы острова в состав Швеции вошли. Пока суд да дело, новая власть в России дала Финляндии независимость, в самой Финляндии началась гражданская война. Вопрос о принадлежности островов оставался открытым, пока в 1921 году Лига Наций не признала приоритет Суоми. Но права дали очень широкие. Чтобы было государство в государстве. А с 1940 Аланды полностью демилитаризованы. Жители островов не могут владеть оружием и не могут даже в армии служить. Говорю же – особое тут у нас место, – заключил Густаф.

Александр Анатольевич оживился на соседнем кресле:

– Голубчик, Густаф, группа, мы уже приближаемся к нашему первому пункту программы. Крепость Бомарсунд.

Машино сердце слегка замерло. Казалось, глупо ожидать, что в крепости стоит памятник, на котором выгравировано: «Здесь погиб Анатолий Скворцов». Это она понимала. Все же ожидание увидеть место, где жил и погиб человек, чья кровь в ней текла, столь велико, что она вышла из автобуса одной из первых.

Зрелище и впечатляло, и угнетало одновременно. Где раньше стояла крепость, теперь гулял ветер и редкие туристы. Кое-где уцелели остатки стен, угадывалась форма – полукруглая. Памятник все же был: «Русским воинам-защитникам крепости Бомарсунд. 1854». И ни слова об Анатолии Скворцове.

– Итак, крепость Бомарсунд, – начал Густаф, – задумка появилась в начале двадцатых годов восемнадцатого века. Необходимо было укрепить западные рубежи империи. В тридцатые начали строительство крепости, и к 1854 году оставалось достроить лишь несколько башен. Крепость была и до сих пор остается самым крупным сооружением, возведенным на островах. К началу 1854 года в крепости проживало около 2500 человек. Были свои портные, пекари, была даже кондитерская, где, по рассказам, пекли изумительно. Мой предок Йохан Столь служил тут. От него остались дневники. Он описывает Бомарсунд как крепость-рай.

– Скажите, Густаф, а есть ли какие-то документы о крепости? Например, кто в крепости и когда проживал? – робко спросила Маша.

– Конечно, есть. Есть и карты застройки, все хранится в нашем местном архиве! – воскликнул экскурсовод, затем продолжил: – Если бы все сложилось иначе, мы бы с вами сейчас гуляли по крепости, подобной крепости Свеаборг в Хельсинки. Но история не знает сослагательного наклонения. Произошло то, что произошло. Западный фронт оказался втянут в Крымскую войну. В начале июля 1854 года союзные войска осадили крепость, отрезав ее от помощи, которая шла со стороны Кронштадта. Целый месяц Бомарсунд был блокирован, помощи ждать было неоткуда.

Группа уставилась на пустырь. Сложно было представить, что на этом месте когда-то была крепость. Ходили люди, даже вот в булочную. Где она тут была?

– Воины сражались храбро. Помощь из Кронштадта пыталась пробиться через осаду, чтобы помочь. Но, к сожалению, все зря. 2 августа крепость взяли штурмом. За один день союзные войска захватили гарнизон, взяв в плен многих. В том числе и коменданта крепости, господина Бодиско. Союзные войска хотели проявить великодушие и оставить семью Бодиско вне плена, но его жена и дочери отказались. Всей семьей они смогли вернуться в Россию лишь в начале 1860-х годов.

– А есть ли гарнизонные списки? Кто погиб, а кто был взят в плен? – вновь подала голос Маша.

– Все есть, все есть, Мария! Это одна из самых трагичных историй островов нового времени. Мы постарались сохранить всю память. Наша семья, например, пожертвовала дневники нашего предка. Только вот незадача. Дневник от 1854 года пропал. Скорее всего при осаде крепости.

– А можно ли как-то эти документы увидеть? Я бы хотела узнать о дальнем родственнике, – Маша раззодорилась, ей казалось, что она близка к разгадке семейной тайны.

– Конечно, можно, архивы открыты. Вы, девушка, интересуетесь историей?

– Ой, Скворцова, ну ты даешь, какие тебе архивы в отпуске? Угомонись уже, – Галя шутиливо толкнула подругу в бок.

Маша смутилась, улыбнувшись. «И правда, что я тут в мисс Марпл разыгралась». Взгляд упал на лицо экскурсовода. Он побледнел, глаза внимательно изучали Машу. Губы без звука что-то произносили. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, не произнеся ни слова.

«Как-то это странно», – подумала Мария.

Мимолетное подозрение не успело преобразоваться в мысль, за которую можно было бы ухватиться. Густаф собрался и продолжил экскурсию:

– Спустя несколько дней после захвата крепости решено было ее взорвать. То, что мы сейчас с вами видим – остатки именно после взрыва, а не битвы. Как только крепости не стало, местные жители начали растаскивать красный гранит на постройку своих домиков. Мы шутим, что крепость тем самым распространилась по всему острову. Интересно, что гранит от крепости использовался и в Хельсинки, при постройке главной православной церкви страны – Успенского собора.

Многие в группе оживились – если битва при Бомарсунде казалась чем-то далеким и даже почти что сказочным, Успенский собор вполне себе можно было было представить – стоит в Хельсинки на прежнем месте.

– Мы с вами собор посмотрим на обратном пути, – подал голос Александр Анатольевич. – Как интересно, Густаф, я сам этого не знал!

– Вот видишь, Саша, не зря ты меня пригласил!

Гиды уважительно посмотрели друг на друга, с улыбкой похлопав по плечу.

– Что же, поедем дальше? Посмотрим один из семи замков Финляндии, расписание у нас плотное! – Александр Анатольевич развернулся и устремился к автобусу.

Галя панибратски взяла Марию под ручку. Маша возвращалась мыслями к резкому изменению в поведении Густафа. Что-то тут было не так. Чутье подсказывало, что экскурсовод знает чуть больше, чем рассказал. Но что скрывать? Дела уже почти двухсотлетней давности? Скворцова оглянулась – гид, не отрываясь, смотрел на нее. Голубые глаза излучали холодок, от которого Маша даже чуть поежилась.

В автобусе царило оживление. Группа расселась по местам, Александр Анатольевич пересчитывал участников, чтобы никого не забыть.

– Словно в школьном автобусе, – хихикнул один из туристов.

Автобус тронулся, за окном расцветал летний день. Море переливалось оттенками, легкие волны били об берег, обтачивая камни. Яблоневый сад Финляндии – так называют Аландские острова. По обеим сторонам проносились яблочные уголья, готовящиеся к новому сезону. Сок, великолепный – туристы попробовали за завтраком – всем пришелся по вкусу.

– Говорят, тут и яблочное вино делают. Нужно тоже попробовать, – шептались на задних сиденьях.

Маша сидела прямо. В голове проносились мысли одна за одной. Изменение в поведении местного гида никто, кроме нее, не заметил. Все так же радостно спрашивали у него, выпадает ли на островах снег и правда ли, что, помимо сока и вина, местные гонят и яблочный самогон. Что отвечал экскурсовод, Мария не слышала. Она чувствовала время от времени его пристальный взгляд, как будто он изучал ее под лупой. От этого становилось слегка не по себе.

– Следующая остановка – замок Кастельхольм, – голосом кондуктора объявил Александр Анатольевич.

Участники поездки высыпали из автобуса и привычно разбились по парам. Пенсионеры вытирали платочком чуть вспотевшие лбы и спрашивали, когда обед, к которому было обещано пиво местного производства. Их жены укоризненно качали головами. Дети бегали вокруг, мамы стряхивали пылинки с одежды, пытаясь пригладить волосы, развевающиеся на ветру. Не группа историков, а пансионат на выгуле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.